

Заколка с цветком бегонии — неужели это тот самый памятный подарок, который главный герой преподнес Чэнь Таотао?

В её романе Чэнь Таотао и главный герой были знакомы с детства, но из-за трагической гибели девушки перед самой свадьбой герой был вынужден жениться на Чэнь Хаохао. После свадьбы отношения между супругами не заладились: тень умершей Таотао вечно стояла между ними. Муж даже подозревал, что это Хаохао подстроила несчастный случай, чтобы занять место соперницы.

Конечно, со временем, проводя дни напролет с героиней Чэнь Хаохао, он открыл для себя чистоту, доброту и пламенную искренность нашей яркой маленькой принцессы. А через Чан Аня он наконец узнал, каким человеком была Чэнь Таотао на самом деле.

В конце концов, он отпустил образ покойной, собственноручно похоронил эту заколку с бегонией у её могилы, навсегда попрощавшись с прошлым и оборвав все нити, связывавшие их. С тех пор он всем сердцем стремился завоевать любовь маленького ангела Хаохао, мечтая прожить с ней жизнь душа в душу...

Раз уж теперь она — не та самая Чэнь Таотао, подруга детства героя, и даже ни разу не видела его в лицо, почему бы самой не оборвать эту связь? Чем раньше она выйдет из этой игры, тем скорее каждый из них найдет свое счастье. В конце концов, будут они вместе или нет — не так уж и важно.

— Миньюэ, завтра надень мне те украшения, что я ношу обычно, а эту заколку с бегонией убери, пожалуйста, в коробочку.

Миньюэ уже привыкла к тому, что нынешняя госпожа стала для неё загадкой, но расспрашивать не стала — просто выполнила приказ. Госпожа всегда знала, что делает, ошибок быть не могло.

В этот момент снаружи слышались шаги, а вскоре раздался стук Ли Эня:

— Госпожа, я принес обещанные фейерверки. Откройте, пожалуйста, взгляните.

— Оставь у двери, позже Миньюэ заберет.

Лицо Чэнь Таотао не дрогнуло, пока она не услышала, что шаги Ли Эня стихли вдали. Лишь тогда в её голосе промелькнул гнев:

— Миньюэ, скажи мне, что здесь происходит? Почему какой-то слуга извне может свободно разгуливать по внутреннему двору и без спроса стучать в двери моих покоев?

— Госпожа, вы забыли? Его дядя — доверенное лицо хозяина дома. А то, что Ли Энь свободно

входит во внутренние покои и даже бесчинствует с нашими служанками, — так это же вы сами позволяли.

Миньюэ видела недовольство госпожи и удивлялась: как она могла забыть о том, что сама же и поощряла?

Услышав ответ, Чэнь Таотао поняла, что погорячилась. Она и представить не могла, что в её Дворе Нинси творится столько мерзости. Похоже, та легкая фраза, которую она написала в книге — о том, что скрытые в Дворе Нинси ужасы и бесчеловечные издевательства обрекли Чан Аня на бесконечные страдания, — в реальности оказалась куда страшнее. Эти злодеяния не только ранили Чан Аня, но и губили жизни невинных людей во дворе.

Чэнь Таотао сдержала гнев и сказала Миньюэ:

— Забудь. Это я запомнила, просто всплыла на мгновение.

— Но если Ли Энй продолжит так свободно ходить сюда, ничего хорошего не выйдет. Чан Анй ведь всё ещё в заднем дворе, рано или поздно он его обнаружит. Госпожа, если вам это неприятно, просто прогоните его в следующий раз, запретите ему сюда соваться.

Глядя на серьезное лицо Миньюэ, Чэнь Таотао невольно погладила её по голове:

— Глупышка, ты сама сказала, что его дядя — правая рука моего отца. Как мы можем просто так с ним враждовать? Пусть ходит, осталось недолго...

Миньюэ не стала вникать в смысл последних слов госпожи и пошла открывать дверь, чтобы перенести фейерверки в кладовую для празднования кануна Нового года.

Зимнее солнце садится рано. Люди здесь живут по строгому распорядку и ужинают засветло, но сегодня — канун праздника, спать ложиться рано нельзя. Нужно встречать Новый год, молиться за счастье близких и любимых.

Молиться? — подумала Чэнь Таотао. — О ком же мне молиться?

Здесьние родственники — вовсе не родные люди: отец и мачеха видят в ней лишь инструмент для своих целей, а друзья-приятели — лишь ступеньку для восхождения вверх.

Она так долго в этом мире, но за пределы дома почти не выходила, какие уж тут друзья? Сейчас Чэнь Таотао хотела лишь одного: дожидаться, когда через три года железная конница Юньчжоу ворвется в Шэнцзин и поместье герцога падет. Она надеялась, что Чан Анй вспомнит её прежнюю доброту и защитит в этом хаосе.

А когда не станет оков поместья, она заберет Минъюэ и найдет место, где можно начать новую жизнь. А когда придет время умирать, она вернется в реальный мир. Другие проживают одну жизнь, а она — две, вроде бы и неплохо.

Что ж, этой ночью она будет встречать праздник ради самой себя. Помолится за собственное долголетие и мирную старость.

— Госпожа, всё готово!

Радостный голос Минъюэ вырвал её из раздумий.

— Начинайте. Возьми вещи и иди во внешний двор, пусть приступают.

Чэнь Таотао давно не проводила праздник так шумно. В детстве она всегда была одна, глядя из окна на огни чужих домов и взлетающие в небо фейерверки. Последние два года в городе запретили пиротехнику, и праздник стал совсем тусклым.

Хотя она всё еще была одинока, праздничная атмосфера легко заразила её. В голосе невольно прозвучало волнение:

— Хорошо, иди.

Минъюэ направилась к выходу, но, оглянувшись на госпожу, засомневалась:

— Госпожа, а вы пойдете в задний двор одна?

— Да, не волнуйся. Чан Ань меня не съест.

Чэнь Таотао, полная радости, направилась в задний двор. Она хотела поделиться своим восторгом с Чан Анем. Но, похоже, не всех коснулось праздничное настроение.

Когда она пришла, в заднем дворе царил непроглядная тьма. В то время как остальной Двор Нинси был залит огнями, здесь не горело ни одного фонаря. В глазах обитателей двора Чан Ань не заслуживал праздника — ему было место лишь в этой бесконечной темноте.

Впрочем, так даже лучше. Пусть думают, что Чан Ань обитает в аду, тогда, может, оставят его в покое.

Чэнь Таотао вышла второпях и не взяла фонарь, поэтому ей пришлось на ощупь пробираться по тусклому снегу к домику Чан Аня. Она тихо постучала.

— Чан Ань, это я, Чэнь Таотао.

Чан Ань уже собирался спать. Он не знал, как нужно праздновать канун Нового года, да и не касалось его это вовсе. Он не ожидал, что Чэнь Таотао действительно придет — думал, днем она просто вежливость проявила.

Неужели она рассердится, что он не послушался и лег спать?

Чан Ань быстро оделся и бросился открывать дверь. Едва увидев её, он тут же склонился в поклоне:

— Прошу прощения, госпожа. Я не послушал вашего совета и лег раньше, надеюсь на ваше снисхождение.

Чэнь Таотао, глядя на него, растерялась. Подумав, она поняла: он решил, что она пришла его наказывать? Наказывать за то, что лег спать? Что за нелепость...

— Я... я не собиралась тебя наказывать. Я просто хотела позвать тебя посмотреть на фейерверки.

Чан Ань выдохнул с облегчением, но Чэнь Таотао показалось, что он вздохнул с досадой. Про себя она подумала:

Опять я всё испортила. Мне нравится смотреть салют, а вдруг ему совсем не хочется мерзнуть на улице? Навязываю свои интересы, не считаясь с чужими чувствами — конечно, он не оценит.

— Ничего страшного. Если не хочешь, возвращайся спать, я посмотрю из своей комнаты, разницы никакой.

Чэнь Таотао мягко улыбнулась, собираясь уходить. Но в этот момент раздался свист, и в ночное небо взмыла ракета, рассекая тьму.

Чэнь Таотао заметила, как Чан Ань вздрогнул и отступил — вероятно, это напомнило ему о чем-то плохом. Она хотела было утешить его, но тут прогремел оглушительный залп.

В ночном небе расцвел ослепительный праздник, рассыпаясь звездами, словно дождем.

Чэнь Таотао увидела, как взгляд Чан Аня устремился к огням. Его лицо застыло, но в чистых глазах юноши отражалось сияние взрывающихся в небе цветов.

Чэнь Таотао невольно посмотрела вверх вслед за ним.

Всё небо было залито ослепительной красотой — мимолетной, но такой яркой.

<http://bllate.org/book/18614/1792170>